

УДК 347.2

DOI 10.33184/pravgos-2021.1.11

КОРОЛЁВА Дарья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

Института права Башкирского государственного университета,

г. Уфа, Россия.

E-mail: praktika.gp@mail.ru

ОБЫЧНАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОЛЖНИКА ПО ДЕЛУ О БАНКРОТСТВЕ: КРИТЕРИИ ПРИЗНАНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ДОБРОСОВЕЩНОСТИ КОНТРАГЕНТА

Вопрос о содержании понятия обычной хозяйственной деятельности должника не обделен вниманием ученых-юристов и правоприменителей, однако в каждом деле о несостоятельности необходимо учитывать не только уже систематизированные разъяснения высших судебных инстанций по отдельным вопросам, но и принимать к сведению динамику судебной практики и отдельные аспекты деятельности должника по делу о банкротстве. Одним из актуальных является вопрос о возможности отнесения сделок должника-банкрота, совершенных в период подозрительности и с просрочками платежа, к сделкам, заключенным в процессе обычной хозяйственной деятельности. **Цель:** формирование суждения об условиях, при которых сделки должника, совершенные в период подозрительности и с просрочками исполнения, могут быть отнесены судом к его обычной хозяйственной деятельности. **Методы:** общенаучные (системный, эмпирический) и специальные (сравнительно-правовой, толкования правовых норм). **Результаты:** определены критерии отнесения к обычной хозяйственной деятельности должника сделок, совершенных в период подозрительности и с просрочками исполнения; определена значимость принципа добросовестности контрагента-должника.

Ключевые слова: просрочка исполнения; период подозрительности; принцип добросовестности; обычная хозяйственная деятельность; оспаривание сделок; просрочка платежа; оказание предпочтения; банкротство.

В делах о несостоятельности нередки ситуации, когда некоторые юридические категории и понятия, имеющие значение для судьбы рассматриваемого банкротного дела, не имеют четкого определения в законодательстве. При этом зачастую мы имеем дело не с пробелом в праве

как таковым, а с некой «каучуковой» нормой, оставляющей для суда свободу усмотрения, но в то же время предусматривающей обязательность тщательного, нацеленного на выявление всех особенностей конкретного дела о банкротстве подхода.

При установлении содержания указанных категорий и понятий разъяснения отдельных положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве), содержащихся в постановлениях пленумов высших судебных инстанций, играют не меньшую роль в правоприменении, чем непосредственно законодательные положения о несостоятельности. Безусловно, следует присоединиться к высказываемой учеными точке зрения, что такие разъяснения можно признать источниками права, если они содержат «качественно новые выводы о разрешении правовых споров». А.А. Сергеев указывает, что это возможно, если судом допускается или, наоборот, не допускается распространение норм на другие по кругу лиц либо по обстоятельствам дела отношения, которые в этих нормах прямо не указываются [1, с. 11]. Но даже с учетом разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, и продолжающих действовать постановлений Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам несостоятельности и их обязательности для судов остается насущной необходимостью вдумчивого и детального подхода, учитывающего все нюансы каждого банкротного дела. Рассмотрим это на примере следующей особенности оспаривания сделок должника-банкрота.

Пункт 2 ст. 61.4 Закона о банкротстве в качестве исключения из общего правила указывает, что даже совершенные в период подозрительности сделки должника, направленные на передачу имущества или принятие должником на себя обязательств, не могут быть признаны недействительными на основании п. 1 ст. 61.2 (неравноценное встречное исполнение) и ст. 61.3 Закона о банкротстве (сделка с предпочтением одному кредитору перед другими) при наличии двух обязательных условий: во-первых, если цена таких сделок не превышает одного процента стоимости активов должника по состоянию на последнюю отчетную дату, во-вторых, если сделки совершены при обычной хозяйственной деятельности должника.

При сравнении порога в один процент от стоимости активов организации-должника и сумм предполагаемых к оспариванию сделок возникает вопрос: следует ли объединять ряд последовательно совершенных

---

¹ О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43, ст. 4190.

платежей для целей оспаривания их как одной сделки? Правовая позиция по данному вопросу была изложена Верховным Судом РФ в определении от 18 февраля 2015 г. № 310-ЭС 15-50 по делу № А68-1355/2013¹, где указывалось, что недопустимо рассматривать как взаимосвязанные сделки, осуществленные в разные дни операции по списанию денежных средств со счета будущего банкрота согласно условиям кредитного договора. Такая правовая позиция укрепилась и в судебной практике², согласно которой очередные платежи, например по кредитному договору, если они совершены в соответствии с графиком платежей, а не досрочно, не подлежат объединению как взаимосвязанные для целей оспаривания, а признаются совершенными в процессе обычной хозяйственной деятельности.

Итак, мы снова вернулись к вопросу определения обычной хозяйственной деятельности, которая в Законе о банкротстве не раскрывается. Для определения содержания этого термина следует обратиться к разъяснениям, содержащимся в постановлениях высших судебных инстанций.

Исходя из п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»³, сделка будет считаться выходящей за пределы обычной хозяйственной деятельности, если ее совершение приведет к прекращению либо изменению вида деятельности общества или существенному изменению масштабов такой деятельности. Отдельно оговаривается, что последующее наступление таких последствий само по себе не означает, что их причиной стала соответствующая сделка, следовательно, указанный критерий должен существовать на момент совершения сделки. При этом, как справедливо отмечает И.С. Шиткина, фиксация видов деятельности в уставе либо в сведениях Единого

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 18 фев. 2015 г. № 310-ЭС15-50 по делу № А68-1355/2013 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2020).

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 дек. 2018 г. № Ф05-15303/2016 по делу № А40-189262/15 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2020) ; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 апр. 2018 г. № Ф05-2879/2018 по делу № А40-209293/2015 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2020) ; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 фев. 2018 г. № Ф05-21182/2016 по делу № А40-195529/2015 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2020) ; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14 апр. 2017 г. № Ф09-1283/17 по делу № А50-17595/2015 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2020).

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

государственного реестра юридических лиц не имеет решающего значения, принимать во внимание следует именно фактическое осуществление хозяйственных операций [2, с. 33].

Также понятие обычной хозяйственной деятельности должника-банкрота, как и сделок, направленных на передачу имущества или принятие должником на себя обязательств, мы традиционно находим в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"» (далее – Постановление № 63)¹. В п. 14 указанного постановления определено, что сделки, не отличающиеся существенно по своим основным условиям от аналогичных сделок, неоднократно совершавшихся до этого должником в течение продолжительного периода времени, следует считать совершенными в ходе обычной хозяйственной деятельности. Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 59² в данный пункт было добавлено, что к таким сделкам могут быть отнесены платежи по дящимся обязательствам (с перечислением примеров таких обязательств, перечень не закрыт. – *Д. К.*). Характерна оговорка в конце п. 14 Постановления № 63: «Не могут быть, по общему правилу, отнесены к таким сделкам платеж со значительной просрочкой, предоставление отступного, а также не обоснованный разумными экономическими причинами досрочный возврат кредита».

Из указанного следует общее правило: исполненные со значительной просрочкой обязательства должника не относятся к сделкам, совершенным в ходе обычной хозяйственной деятельности. Но, как мы уже говорили, в делах о несостоятельности следует принимать во внимание множество нюансов, которые необходимо установить и учесть суду, рассматривающему дело о несостоятельности. В частности, на усмотрение судов в этом случае остается вопрос о значительности просрочки. В Постановлении № 63 критериев ее длительности не установлено. В судебной практике по этому вопросу единообразного подхода не сложилось. Например, по делу № А50-4062/2017 кассационная инстанция Уральского округа признала

---

¹ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 3.

² О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 дек. 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 59 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2020).

правильным вывод нижестоящих судов о незначительности просрочки оплаты поставки товаров, которая составила менее одного месяца, суд также учитывал, что спорные платежи своими основными условиями существенно не отличаются от аналогичных сделок, совершавшихся до этого должником неоднократно в течение продолжительного времени¹.

Далее, в деле № А29-7141/2016 Арбитражным судом Волго-Вятского округа принят во внимание довод банка (кредитора по делу и контрагента по оспариваемой сделке), что согласно внутренним правилам работы с просроченной задолженностью период до шести месяцев с момента возникновения просрочки не считается кредитной организацией значительной просрочкой и на этом этапе проводится досудебное урегулирование².

По делу № А40-102434/2017 Арбитражный суд Московского округа указал, что при наличии в договоре поставки условия о сроке оплаты не позднее 10 календарных дней с даты поставки следует признать значительной просрочку более 8 месяцев³.

В этой связи следует подчеркнуть, что единых критериев значительности просрочки для указанных целей не может быть установлено, поскольку это зависит от характера обязательства, а потому в любом случае остается на усмотрение суда, рассматривающего вопрос об оспаривании сделок должника, что и усматривается в приведенных примерах из судебной практики.

Возвращаясь к соотношению исполнения обязательства с просрочкой платежа и обычной хозяйственной деятельности должника, необходимо исследовать следующие вопросы: можно ли предположить, что в процессе обычной деятельности организации допускаются просрочки платежей, и может ли это однозначно подтверждать ее неплатежеспособность? Учитывая непростую экономическую ситуацию, закредитованность малого и среднего бизнеса, отсутствие «свободных» денег в организациях, можно заключить, что для многих компаний вполне допустимо в рамках «здоровых» экономических отношений совершать просрочки отдельных плате-

---

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 янв. 2019 г. № Ф09-6351/17 по делу № А50-4062/2017 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2020).

² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 7 сент. 2018 г. № Ф01-3165/2018 по делу № А29-7141/2016 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2020).

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 мая 2019 г. № Ф05-1504/2019 по делу № А40-102434/2017 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2020).

жей, если контрагенты принимают такое исполнение. Это достаточно распространено, когда организация рассчитывается по своим обязательствам после получения расчета от своих дебиторов, которые, увы, также могут быть совершены с просрочкой. В этом случае могут ли контрагенты догадываться о неплатежеспособности организации, если такие просрочки исполнения обязательств имели место, но деятельность организации осуществлялась в текущем режиме? Даже приведенная оговорка из п. 14 Постановления № 63, что платеж со значительной просрочкой не может быть отнесен к обычной хозяйственной деятельности, подчеркивает, что это общее правило, а значит, можно предположить, что из него допускаются исключения.

Отнесение просроченных платежей к «здоровым» сделкам следует признать результатом постепенного развития судебной практики последних лет. Так, Девятый арбитражный апелляционный суд, отказывая в признании сделок должника недействительными, в постановлении от 1 марта 2020 г. по делу № А40-205533/2015¹ указал, что судом установлены носящие длительный и систематический характер взаимоотношения по договорам электроснабжения, перечисление оплаты по которым должником осуществлялось с систематическими просрочками, на основании чего был сделан вывод о совершении оспариваемых сделок в рамках его обычной хозяйственной деятельности. Полагаем, что в указанном деле суд, возможно, учел распространенное в доктрине мнение, что по некоторым категориям потребительских отношений следует признать слабой стороной не потребителя, а профессионального участника. Так, В.А. Анисимов в качестве примера указывает, что это встречается в отношениях по энергоснабжению, кредитных и некоторых других договорных обязательствах, в которых профессиональный участник гражданского оборота, исполнивший свою часть обязательства, получает право требовать от потребителя-должника исполнения его части обязательства [3, с. 330].

Арбитражный суд Московского округа в нескольких постановлениях по делу № А40-27675/2017², принятых по результатам рассмотрения

---

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 1 марта 2020 г. № 09АП-82138/2019 по делу № А40-205533/2015 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2020).

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 апр. 2019 г. № Ф05-9938/2017 по делу № А40-27675/2017 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2020); Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 авг. 2019 г. № Ф05-9938/2017 по делу № А40-27675/2017 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2020).

заявлений об оспаривании сделок, обратил внимание на то, что сумма сделки составляет меньше одного процента от стоимости активов должника, а также подробно исследовал историю платежей между должником и контрагентом по оспариваемой сделке и пришел к выводу, что просрочки платежей по договору были систематическими и имели место и до периода подозрительности, а значит, оспариваемые сделки относятся к совершенным в ходе обычной хозяйственной деятельности должника.

Примечательным является дело № А40-205533/2015, в котором Арбитражный суд Московского округа обратил внимание судов нижестоящих инстанций на то, что ответчик (контрагент должника по делу о банкротстве), принимая платежи должника с просрочками от 2 до 7 месяцев, «действовал добросовестно, о наличии признаков неплатежеспособности должника либо о возбуждении дела о несостоятельности (банкротстве) документами или сведениями не обладал»¹.

Указанные примеры скрупулезного подхода судов к анализу заключенных в период подозрительности сделок опровергает вывод некоторых ученых, что сделки такого рода признаются недействительными «просто в силу установления самого факта их совершения» [4, с. 78]. Подчеркнем еще раз: в порядке исключения можно отнести сделку, совершенную с просрочками исполнения, к обычной хозяйственной деятельности, если стороны совершали сделки в течение длительного времени до признания одного из них банкротом, а просрочки должника носили систематический характер, поскольку сами по себе просрочки исполнения не подтверждают неплатежеспособность лица и не опровергают добросовестность его контрагента.

Анализ судебной практики по вопросу об отнесении сделок с просрочками исполнения к обычной хозяйственной деятельности должника позволяет сделать важный вывод о необходимости исследования наличия либо отсутствия добросовестности со стороны контрагента по указанным сделкам. Действительно, согласно п. 11 Постановления № 63 для признания недействительными сделок с предпочтением, заключенных в указанный месячный период подозрительности, не требуется доказывание обстоятельств, касающихся недобросовестности контрагента. В то же время в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 января 2016 г. № 310-ЭС15-12396² указано, что добросове-

---

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 нояб. 2019 г. № Ф05-15051/2018 по делу № А40-205533/2015 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2020).

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.

стность контрагента должника имеет правовое значение для рассмотрения вопроса о возможности применения к спорным отношениям положений п. 2 ст. 61.4 Закона о банкротстве, а не для целей определения признаков недействительности, установленных п. 2 ст. 61.3 указанного закона. При этом суждение судов об осведомленности контрагента по сделке о неудовлетворительном финансовом положении должника также основано на установленном ими факте наличия просроченной задолженности общества-должника. Суд подчеркнул, что недопустимо отождествлять неплатежеспособность с неоплатой конкретного долга отдельному кредитору. Кредитор всегда осведомлен о факте непогашения долга перед ним, но одно лишь это обстоятельство не свидетельствует о том, что такой кредитор должен одновременно располагать и информацией о приостановлении должником операций по расчетам с иными кредиторами. В этой связи справедливым представляется мнение С.А. Карелиной: «неплатежеспособность может носить временный характер и при наличии определенных средств (финансовых, правовых, организационных и т. д.) может быть устранена» [5, с. 26].

Важно отметить, что сложившиеся между сторонами длительные отношения, как верно подчеркивает Д.В. Штефан, не всегда автоматически означают добросовестность контрагента должника-банкрота. Автор справедливо указывает, что экстраординарный характер сделки (в частности, ее крайне высокая цена) означает необходимость применения более высокого стандарта субъективной добросовестности даже в том случае, если между контрагентами сложились многолетние отношения [6, с. 165].

Таким образом, решая вопрос об отнесении сделок должника, совершенных с просрочками платежей, к обычной хозяйственной деятельности, суду необходимо учитывать целый ряд факторов:

- соотношение цены сделки и балансовой стоимости активов должника согласно отчетам;
- характер взаимоотношений между должником и контрагентом по оспариваемой сделке (сделки совершены только в период подозрительности либо отношения сложились намного ранее);
- соответствие характера принятых на себя обязательств основным видам деятельности должника и кредитора;
- значительность просрочки, при этом должны учитываться не только ее длительность, но и наличие просрочек должника по сделкам, совершенным с этим контрагентом и ранее периода подозрительности;
- особенности оспариваемых сделок, в частности, если должником было отчуждено имущество по отступному, следует изучить вопрос о том,

было ли это имущество необходимо для профильной деятельности организации, позднее ставшей несостоятельной, либо посредством отчуждения нерентабельного имущества должник предпринимал попытки восстановления своих активов.

Наконец, важное значение имеет вопрос о добросовестности контрагента по оспариваемой сделке, который, принимая исполнение от должника, мог не знать о его неплатежеспособности и возникновении у него как у кредитора предпочтения перед другими кредиторами.

Библиографический список

1. Сергеев А.А. Источники российского права: вопросы классификации и некоторые тенденции развития // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 9–17.
2. Шиткина И.С. Сделки хозяйственных обществ, требующие корпоративного согласования : моногр. М. : Статут, 2020. 226 с.
3. Анисимов В.А. Методологические проблемы исследования злоупотребления субъективными гражданскими правами участниками потребительских правоотношений // Методологические проблемы цивилистических исследований : сб. науч. ст. Ежегодник / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М. : Статут, 2017. Вып. 2. С. 325–333.
4. Шипилова Г. Оспаривание сделок, заключенных с будущим банкротом // Жилищное право. 2017. № 7. С. 69–79.
5. Карелина С.А. Экономическая сущность несостоятельности и правовая форма ее реализации // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 24–30.
6. Штефан Д.В. Определение добросовестности при применении п. 1 ст. 174 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 3. С. 145–175.

Дата поступления: 26.01.2021

KOROLYOVA Daria Vladimirovna

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Civil Law
of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.*

E-mail: praktika.gp@mail.ru

**NORMAL BUSINESS ACTIVITIES OF THE DEBTOR
IN BANKRUPTCY: CRITERIA FOR RECOGNITION
AND THE IMPORTANCE OF THE GOOD
FAITH OF THE COUNTERPARTY**

Legal scholars draw close attention to the issue of the content of normal business activities. It is still necessary to take into account not only the already systematized explanations of the higher courts on specific issues in every insolvency case, but also the dynamics of judicial practice and certain aspects of the debtor's bankruptcy. A topical issue is whether transactions of a bankrupt debtor made during a period of suspicion and in arrears of payment can be classified as transactions concluded in the course of the debtor's normal business activities. **Purpose:** to form a judgment on the conditions under which debtor's transactions made during a period of suspicion and delay of performance may be assimilated by the court to its normal business activities. **Methods:** the author uses both general scientific methods (system method, empirical method) and special methods (comparative legal method, legal interpretation method). **Results:** the criteria for understanding transactions made during the period of suspicion and in delay of performance as the debtor's normal business activities are defined; the importance of the good faith principle of the debtor's counterparty is determined.

Keywords: delay of performance; period of suspicion; good faith principle; normal business activities; challenging of transactions; arrears of payment; giving preference; bankruptcy.

References

1. Sergeev A.A. The sources of Russian law: issues of classification and some tendencies of development. *Rossiiskij juridicheskij zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2017, no. 5, pp. 9–17. (In Russian).

2. Shitkina I.S. *Sdelki hozyajstvennyh obshchestv, trebuyushchie korporativnogo soglasovaniya* [Transactions of business entities requiring corporate approval]. Moscow, Statut Publ., 2020. 226 p.

3. Anisimov V.A. Methodological problems of the study of the abuse of subjective civil rights by participants in consumer legal relations. In Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij. Sbornik nauchnyh statej. Ezhegodnik* [Methodological problems of civil studies. Collection of scientific articles. Yearbook]. Moscow, Statut Publ., 2017, iss. 2, pp. 325–333. (In Russian).

4. Shipilova G. Challenging transactions concluded with a future bankrupt. *Zhilishchnoe pravo = Housing Law*, 2017, no. 7, pp. 69–79. (In Russian).

5. Karelina S.A. The economic essence of insolvency and the legal form of its implementation. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial Law*, 2019, no. 2, pp. 24–30. (In Russian).

6. Stefan D.V. Defining good faith in the application of paragraph 1 of article 174 of the Russian Civil Code. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2019, no. 3, pp. 145–175. (In Russian).

Received: 26.01.2021